

Елена
Арсеньева

Блистательные
изгнанницы

Исторические
новеллы
любви

Блистательные изгнанницы

Елена Арсеньева

**Господин Китмир (Великая
княгиня Мария Павловна)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Господин Китмир (Великая княгиня Мария Павловна) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Блистательные изгнанницы)

ISBN 5-699-09962-X

Великая и прекрасная Россия, в которой эти женщины родились, осталась лишь в воспоминаниях и мечтах... В реальности же им, убежавшим от новых порядков страны, принять которые они не смогли, родиной стала чужбина. Но и там, где пришлось начинать все сначала, не имея ничего, кроме высоких титулов, эти изгнанницы оставались блистательными и неподражаемыми. Великая княгиня Мария Павловна – двоюродная сестра последнего российского императора Николая II, балерина Тамара Карсавина, героиня французского Сопротивления княгиня Вера Оболенская... Об их непростых судьбах и пойдет речь в книге исторических новелл Елены Арсеньевой...

ISBN 5-699-09962-X

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

От автора	5
Господин Китмир	6
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Елена Арсеньева

Господин Китмир

Великая княгиня Мария Павловна

От автора

Безумный, безрассудный ураган сметает все на своем пути, вырывая из земли и пышные садовые цветы, и скромные полевые цветочки, и влечет их неведомо куда, за горы, за моря, швыряет на убогую, чужую почву. И улетает дальше, оставив эти несчастные, истерзанные растения погибать. Но вот какому-то цветку удалось зацепиться корнем за землю-мачеху... а там, глядишь, приподнял голову и второй, да и третий затрепетал лепестками... Они ужасаются, они отчаиваются, они зовут смерть, потому что жизнь кажется им невыносимой. Однако они вырастают в чужбину, живут, живут... и сами дивятся: как же это возможно после того, что они испытали, что они потеряли?

У них больше нет ни дома, ни страны. У них все в прошлом. Вот уж воистину, совершенно как в модном романсе – все сметено могучим ураганом! Пора забыть прежние привычки, громкие имена и титулы, вековую гордыню, которая уверяла их в том, что они – соль земли, смысл существования тех миллионов простолюдинов, которые вдруг обезумели – и вмиг превратили спокойное, процветающее государство, называемое Российской империей, в некое вместилище ужаса, боли и страданий. Здесь больше нет места прежним хозяевам жизни. Титулованные дамы, представительницы благороднейших родов Российской империи; знаменитые поэтессы; дети ведущих государственных деятелей; балерины, которых засыпали цветами, которым рукоплескали могущественные люди страны; любовницы именитых господ – они вдруг сделались изгнанницами. Блистательными, вернее сказать: некогда блистательными! – изгнанницами. И нет ни времени, ни смысла надеяться на чудо или ждать помощи от мужчин. Просто потому, что чудес не бывает, а мужчины... им тоже надобно бороться за жизнь.

В этой борьбе женщинам порою везло больше. Прежняя жизнь была изорвана в клочья, словно любимое старое платье, а все же надобно было перешить ее, перелицевать, подогнать по себе. Чисто женское дело! Некоторым это удавалось с блеском. Другим – похуже. Третьи искололи себе все пальцы этой роковой игрой, но так и не обрели успокоения и удачи.

Их имена были гордостью Российской империи. Их родословные восходили к незапамтным временам. В их жилах струилась голубая кровь, это была белая кость – благородные, образованные, высокомерные красавицы. Они нищенствовали, продавали себя, работали до кровавого пота ради жалких грошей. Они ненавидели чужбину – и приспособливались к ней. Они ненавидели покинутую родину – и боготворили ее. За нее они молились, на нее уповали... умирали и погибали с ее именем на устах.

Русские эмигрантки.

Блистательные изгнанницы.

Отвергнутые Россией...

Господин Китмир Великая княгиня Мария Павловна

Это, конечно, совпадение, думал Эжен. Но очень забавное совпадение! Эту даму он в полдень привез на улицу Камбон, и теперь, уже вечером, в темноте, она снова села в его машину.

...Еще недавно улица была одной из самых незаметных в Париже, однако с тех пор, как здесь обосновался *maison de couture* Шанель, рю Камбон время от времени становилась достопримечательностью французской столицы. Тогда вокруг дома собиралась такая толпа, что перед дверью приходилось выставлять полицейский наряд. Пропускали только тех, у кого имелось специальное приглашение. Парижские таксисты, народ ушлый, уже знали, что в эти дни Шанель проводит показ новых коллекций и желающих попасть на них оказывается куда больше, чем тех, кому посчастливилось получить приглашение. Ведь на первый день показа созывались исключительно представители серьезных зарубежных домов, но покупатели попроще рвались туда всеми правдами и неправдами.

Вот и эта высокая дама с чуточку испуганным лицом и нелепой, чрезмерно пышной прической так и ахнула, завидев, что улица запружена народом.

– Боже, я опоздала! – воскликнула она. – Теперь мне ни за что не пройти!

Дама поспешно расплатилась и выскочила из таксомотора. Эжен несколько минут наблюдал за ней – как она отчаянно махала руками, безуспешно пытаясь привлечь внимание швейцара. На ней было неуклюжее темное платье, обшитое черным крепом, и черная же довольно убогая шляпка. Понятно, носит траур. Судя по легкому акценту, не француженка. Кто в Париже в 1921 году мог говорить с акцентом и носить траур? Русские беженцы, конечно. Эжен готов был держать пари, что из его такси только что вышла одна из русских эмигранток. Наверное, примчалась на рю Камбон в надежде найти работу у Шанель: портнихой, раскройщицей, а то и подметальщицей. Вид у нее до того перепуганный, выражение лица несчастное – наверное, очень нужна работа... Правда, заплатила за такси не торгуясь. И на чай дала хорошо, значит, денежки еще водятся. Наверное, продала какие-нибудь с трудом вывезенные из взбесившейся России драгоценности, теперь у нее вся надежда на работу у Шанель.

Эх, растяпа, сочувственно подумал Эжен, что ж ты явилась в такой неподходящий день? Шанель нынче определенно не до тебя, ее рвут на части заказчики, попадешься под горячую руку, она тебя выгонит взащей, да еще и облает. Говорят, у этой овернской крестьянки, внезапно сделавшейся диктатором среди парижских модниц, язычок очень острый, а нрав горячий. Так что этой перепуганной даме вряд ли повезет.

Между тем он потерял ее из виду, а тут и новый пассажир подоспел: один из тех, кто понял, что на показ к Шанель все равно не прорвется, и решил не терять времени зря. Эжен отвез его на площадь Людовика XIV, вернулся на рю Камбон, посадил еще одного мсье, отвез его на Трокадеро, опять вернулся, потом еще и еще... Это был очень удачный день, и все благодаря разъезду с рю Камбон!

В очередной раз Эжен появился там ближе к полуночи, уже мало на что надеясь, и вдруг увидел, что от ворот дома Шанель бредет, заплетая нога за ногу, знакомая высокая фигура в унылой шляпке.

– Такси, мадам? – приостановил он машину рядом, и дама села, попросив отвезти ее на улицу Курсель.

Точно, это была она, та самая. Только что-то в ней изменилось... Но что? Эжен пока не мог понять, а слишком пристально смотреть было неловко. Впрочем, дама не замечала взглядов таксиста, да и его, конечно, не узнала. Ей было совершенно не до него. Выражение хоро-

шенького личика было немного странное – дама с трудом сдерживала слезы. Но потом она сдерживать их перестала: сидела зажмурясь, а слезы так и лились по щекам.

Ну что ж, философски пожал Эжен плечами, этого следовало ожидать. Получила от ворот поворот, да небось еще и на грубость нарвалась. Но что же в ней переменялось?

Эжен посмотрел в зеркальце. Дама все еще плакала – с неподвижным лицом, не всхлипывая, сидя очень прямо. И ему стало так жалко ее! Может, ей завтра не на что будет купить хлеба... Мелькнула мысль не брать с нее плату, однако Эжен тут же вспомнил о ревматизме маман, о базедовой болезни жены и сломанной ноге старшего сына – и вмиг изгнал из души всякий намек на благотворительность. И все же сердце щемило сочувствием.

Вот и улица Курсель. Фонарь на углу раскачивало ветром, и Эжену почудилось, что он сочувственно качает головой. И вдруг таксист понял, что именно изменилось в облике его пассажирки. С утра на голове дамы была копна волос, а сейчас... О боже, где ее пышные пепельные волосы? Они подстрижены так коротко, что их с трудом разглядишь под шляпкой!

Ну да, теперь понятно, почему она плачет. Лишившись таких роскошных кудрей, конечно, заплачешь... Интересно, где это ее так оболванили? Наверное, в студии Шанель есть свой куафер. Дама решила даже волосами пожертвовать, чтобы получить место в знаменитом модном доме, но увы... и это не помогло! Хотя с короткими волосами ей определенно лучше. Помоложе выглядит, это точно.

Когда дама рассчитывалась, Эжен заметил, что слезы-то она вытерла, но щеки по-прежнему влажны, да и глаза еще на мокром месте. Тут он не удержался и сказал с грубоватым сочувствием:

– Ну-ну, птичка, не надо плакать, все наладится!

Он даже хотел добавить: а волосы, мол, отрастут, дело наживное, – но постеснялся.

Дама взглянула на него оторопело, а потом вдруг рассмеялась. И хохотала все время, пока выбиралась из автомобиля и когда захлопывала дверцу. Кажется, даже повернув за угол, Эжен слышал ее серебристый хохоток. Чудачка какая-то! Что он такого смешного сказал?! А может быть, она смеется оттого, что уже нет сил горевать? Ну, эти русские, они ведь все вообще немножечко того... Загадочная славянская душа, Эжен что-то такое слышал... Все нормальные люди от горя плачут, а эта птичка смеется!

Добродушный парижский таксист ошибался. «Эта птичка» и плакала, и смеялась не от горя, а от счастья. И никакого такого проявления «загадочной славянской души» в этом не было. Просто сегодня был день ее триумфа. Первого, но она надеялась, что это – лишь начало в той цепочке успехов, которую она выковала своими руками.

Триумф состоялся на том самом показе в *maison de couture* Коко Шанель, куда она так глупо опоздала. Она знала, конечно, что народу будет много, но такой толкотни не ожидала. Не то что в дом войти – приблизиться к дверям она не могла; а ведь швейцар ее, конечно, пропустил бы. Пришлось идти в полицейский участок и оттуда звонить, чтобы кто-то от Шанель провел ее через толпу.

В студии тоже царил толкотня – яблоку негде упасть. Она устроилась на верхней ступеньке лестницы. Сидеть было неудобно, зато все видно. Вдоль стен размещались в два ряда покупатели – в основном американцы, во множестве наезжающие в Париж за новыми моделями для своих фирм. Время шло, шло... и вот наконец ровно в три часа пошли манекены.¹

Она с трудом заставляла себя усидеть, не сорваться с места, когда среди мельканья платьев показалось знакомое, с вышивкой... потом еще и еще... Это были ее вышивки!

¹ Слова «манекенщица» во французском языке нет, поэтому девушки, демонстрирующие модели, называются тем же словом, что и манекены, которые стоят в витринах, – *le mannequin*.

Манекены ходили по подиуму почти до шести вечера, и ей показалось, что вышитые платья вызывают особенный интерес. Однако она боялась поверить в удачу.

Но вот показ окончился, заказчики поднялись с мест, и она, не утерпев, спустилась в студию и прислушалась в разговорам. Продавщицы метались между заказчиками и примерочными с кипами новых платьев в руках. То и дело звучали слова: «Вон то и это, с вышивкой... Какой оригинальный узор, какая новизна исполнения!» И снова: с вышивкой, с вышивкой... с вышивкой!

Наконец покупатели начали расходиться, а она все еще бродила по студии, ловя последние обрывки разговоров, все еще боясь поверить в удачу.

Кто-то приобнял ее за талию. Это была сама Шанель, одетая чрезвычайно элегантно, как и подобает знаменитой модистке. Сейчас в ней трудно было узнать ту скромную труженицу в простенькой темной юбке и темном свитере с закатанными по локоть рукавами, какой она была каждый день с раннего утра до позднего вечера. В этой одежде она сочиняла и создавала платья удивительной красоты и очарования, однако сама напоминала пирожника, которого тошнит от булочек и марципанов. Ей было некогда думать о собственном гардеробе, поэтому, бывало, под роскошную шубу она напяливала невесть что, какие-то обноски. Но сейчас Шанель выглядела истинной королевой моды, какой и хотела стать.

– Успех, Мари! – засмеялась она. – Поздравляю вас! Полный успех! А теперь пойдете ко мне. Я давно хотела вам кое-что сказать.

В душной примерочной Шанель, где, как обычно, невыносимо жарко пылал камин, на полу валялись горы разноцветных обрезков, а на рабочем столе еще оставался не убраным впопыхах поднос с остатками вчерашнего легкого ужина, они сели на табуреты, и Шанель сказала:

– Все великолепно, Мари! Я делаю вам заказ на эти модели. Можно считать, что с этого дня мы партнеры. Разумеется, – прибавила она безапелляционно, – вы работаете только для меня. Никаких Пуаре, Ланвен и Вийоне.² Только Шанель! По рукам?

– По рукам, – кивнула та, которую она называла Мари.

– Да, вот еще что, ма шер... – Шанель лукаво улыбнулась. – Если вы теперь входите в мир haute couture,³ вам придется подумать о том, чтобы ваша внешность этому миру соответствовала. Я понимаю ваши чувства, ваш траур... Но уверяю вас, что вы совершаете большую ошибку, щеголяя в таком неприглядном виде беженки и неудачницы. Люди не любят жалеть, ненавидят испытывать чувство вины! Кончится тем, что они станут избегать вас, и вы потеряете партнеров и клиентов. Если вы хотите иметь процветающее дело, вы и должны являть собой процветание.

Мари встрепелась было – хотя ей очень захотелось напомнить Шанель известное евангельское изречение насчет бревна в своем глазу и сучка – в чужом, но она прикусила язычок. А знаменитая модистка продолжала с тем же апломбом:

– И эта ваша нелепая прическа... Вам едва за тридцать, а с такой бесформенной грудой волос вы выглядите самое малое на десять лет старше. В то время как женщина с короткой задорной стрижкой теряет годы, а не прибавляет их!

Шанель кокетливо коснулась своих по-модному коротких, тщательно уложенных волос и вдруг вскочила.

– Нет, я больше не могу видеть вас с этим безобразным гнездом на голове! – пылко воскликнула она, и не успела Мари ахнуть, как Шанель принялась ловко выдергивать из ее прически шпильки, которые едва удерживали густые и пышные волосы. Потом захватила в

² Названия модных домов, которые были особенно популярны в Париже в 20-е годы XX века.

³ Высокой моды.

горсть эту пепельную гриву и шелкнула своими огромными портновскими ножницами чуть ли не по самой макушке...

Рванувшись из ее рук, Мари тупо уставилась в зеркало. Над собой она видела лицо Шанель, которая глядела на нее со странным выражением.

– Жюль! – закричала вдруг Шанель не своим голосом. – Жюль!

Вбежал куафер, который всегда причесывал девушек, участвовавших в показе моделей Шанель.

– Мадам? – с полупоклоном пробормотал он – да так и замер, переводя взгляд с торчащих на голове Мари косм на роскошные пряди, валявшиеся на полу, среди обрезков шелка, меха и сатина.

– Ну да, мадам Мари решила сменить прическу, – сердито сказала Шанель. – Я сделала первый шаг, вам предстоит довести дело до конца.

Жюль откашлялся и шагнул вперед. Пока он шел ножницами над головой Мари, Шанель поглядывала на нее с опаской, словно ожидая в любую минуту истерического припадка. Но Мари смотрела в зеркало с застывшей улыбкой. Она даже не слышала звона ножниц и меньше всего думала о том, что лишилась своей гордости – великолепных кос. В ее ушах звучали слова Шанель: «Теперь мы партнеры!»

Она была счастлива. В эту минуту ей казалось, что такого восторга она не испытывала никогда в жизни: ни в детстве, ни в юности, ни когда выходила замуж, ни когда рожала ребенка, ни когда предавалась любви. В эти мгновения она словно заново родилась на свет!

В такси она не могла смотреть в окно: вместо зрелища парижских улиц, сияющих огнями фонарей, витринами магазинов и вывесками быстро, в глазах вспыхивали, словно кадры снйта, отрывочные картины прошлого, картины ее жизни, в которой было место всему – огромному счастью и страшному горю, – и все же этого дивного ощущения свободы, полной власти над своей судьбой она прежде не знала. Именно от этого неопишуемого, почти невыносимого ощущения она и плакала. А засмеялась потому, что тщедушный шофер такси так искренне ее пожалел. Птичка... Боже мой, ее никогда в жизни никто птичкой не называл! Он так засмутился, бедолага...

Но можно себе вообразить, что с ним сделалось бы, узнай он, что жалел и утешал княгиню Марию Павловну Путятину, в девичестве Романову. Двоюродную сестру покойного российского императора Николая II. *Великую княгиню* ...

Строго говоря, такие недоразумения с ней уже происходили в жизни, и не один раз. Наверное, она не умела быть достаточно величавой, неприступной, холодной, проводить между собой и людьми нерушимую, неодолимую границу высокомерия. Какое там высокомерие! Вот уж что меньше всего было ей свойственно, так это апломб. Именно поэтому она нередко и попадала в смешное и досадное положение. Особенно памятны два случая.

Это было в самом начале войны с Германией. Тогда стремительное наступление русских обещало скорый успех. Армия генерала Ренненкампа с силой продвинулись в глубь Восточной Пруссии, русские войска вошли в Инстербург. Великая княжна Мария Павловна была сестрой милосердия одного из полевых госпиталей, организованных на средства сербской королевы Елены. 9 августа 1914 года, когда санитарный поезд отправился на фронт, она впервые в жизни сама разделась и постелила себе постель, невольно вспомнив при этом, как во время революции 1905 года она, тогда еще юная девушка,⁴ сидя на полу, пыталась научиться самостоятельно застегивать башмаки: ведь ее могли лишить прислуги, и о ней некому было заботиться! Но если тогда со своими башмаками она так и не справилась, то теперь быстро привыкла ухаживать и за собой, и, главное, за ранеными. Она старалась сохранять свое инког-

⁴ Великая княгиня Мария Павловна родилась в 1890 году.

нито, и когда входила в палату в сером форменном платье и белой косынке, напоминающей монашескую, ее никак нельзя было отличить от других сестер милосердия.

Как-то раз в госпиталь привезли молоденького подпоручика, у которого от контузии возникло воспаление надкостницы. Ему было запрещено вставать, и Мария занималась его туалетом.

В отличие от солдатских, битком набитых, офицерские палаты были пока пусты, поэтому он был один и явно скучал.

В ответ на приветствие сестры милосердия молодой офицер что-то буркнул, а когда она подала ему таз с водой и мыло, раздраженно сказал:

– Я не буду умываться сам, это ваша обязанность, вы ее и выполняйте.

Бровью не поведя, Мария умыла подпоручика. Он даже и не пытался скрыть своей неприязни, мало того – нарочно мешал ей резкими движениями и чуть не опрокинул таз. При этом он исподтишка следил за выражением лица сестры, словно надеясь вывести ее из себя. Напрасно!

– Сестра, а что вы будете делать теперь? – спросил он вызывающе, когда Мария собирала умывальные принадлежности.

– Принесу вам чай или кофе, что вы пожелаете, а потом пойду в перевязочную.

– Но мне скучно! – капризно сказал юнец. – Побудьте со мной. Я ваш пациент, и ваша обязанность...

– У меня еще очень много обязанностей, – сказала Мария с напускной строгостью, хотя едва сдерживала смех: поручик вел себя как избалованный мальчишка. – В солдатских палатах полно раненых, так что я не смогу остаться с вами. Кроме того, вы не умеете себя вести. Так что вам угодно, чай или кофе?

Подпоручик тупо молчал, словно подавился от злости. И вдруг швырнул в нее полотенце и мыло, забытые на его постели. Мария поглядела на сердитую юношескую физиономию, еще более забавную от едва пробивавшейся бородки, и сказала голосом, сдавленным от усилий сдерживать смех:

– Если вам что-то понадобится, позовите сиделку. Она за дверью, в коридоре, – и вышла с самым величавым видом, на который была способна. Впрочем, очутившись в одиночестве, она не удержалась и прыснула.

Судя по всему, офицерик был весьма раздосадован тем, что ему не удалось вывести из себя милосердную сестру, а может быть, тем, что его персону не вызвала у красивой женщины никакого интереса. В течение дня он несколько раз посылал за ней сиделку, но Мария не шла.

К вечеру привезли других раненых офицеров, и палата поручика заполнилась людьми. Мария занималась их перевязкой, переодеванием, размещением... Наконец она отправилась ужинать. И вдруг к ней подошла сиделка с известием, что у молоденького подпоручика истерика. Мария сразу догадалась, что произошло. Наверное, кто-то из вновь прибывших офицеров узнал ее и открыл ее имя.

Она пошла в палату. Мальчишка и впрямь рыдал, отвернувшись к стене. Ей стало и смешно, и жаль его чуть не до слез. Мария положила ладонь ему на голову и весело сказала:

– Ладно, ладно, все хорошо, я ни чуточки не сержусь.

Офицеры не могли сдерживать хохота, потому что подпоручик продолжал отчаянно всхлипывать. И с тех пор, стоило Марии войти в палату, он немедленно отворачивался лицом к стене, а уход принимал только от сиделки. И уже в самый день выписки набрался наконец-то храбрости – тихо, срывающимся голосом попросил прощения...

Впрочем, с другими ранеными у нее были самые сердечные отношения. Мария чувствовала себя совершенно счастливой оттого, что занята полезным, благородным делом, и даже раскаивалась порой, что в такое трудное время, среди боли и страданий, может столь откровенно радоваться жизни. Однако именно эта ее радость и была по душе раненым, потому что

оживляла, бодрила их. Ее про себя называли веселой сестрой. Ну а уж если кто-то узнавал ее титул...

Как-то раз, сразу после прибытия в Инстербург, сестры вышли посмотреть город. Вдруг к ним подъехал офицер на взмыленном коне, показал раненую руку, обмотанную грязной тряпичей, и попросил сделать перевязку. У Марии в сумке оказался бинт, она принялась менять повязку, как вдруг подошел кто-то из штабных офицеров с фотокамерой и сказал:

– Ваше императорское высочество, разрешите сделать снимок?

Раненый офицер слегка вздрогнул, глянул на Марию исподлобья, однако она как ни в чем не бывало продолжала бинтовать его руку. Когда закончила, увидела, что в глазах офицера стоят слезы.

– Позвольте узнать, кто вы, сударыня? – сказал он тихо.

Мария не видела причин скрывать свое имя и назвала его.

– Вы... вы двоюродная сестра императора?

– Да.

Несколько мгновений офицер смотрел на нее, с видимым трудом скрывая волнение, потом вдруг опустился на одно колено прямо в дорожную пыль и, поднеся к губам край простого серого платья сестры милосердия, поцеловал его. Ошеломленная, растроганная Мария поспешила уйти...

Ее изумляло, насколько трогало солдат и офицеров то, что особа императорской крови делит с ними и опасности, и переменчивые военные успехи. Казалось бы, ну что в том такого? Это ее долг в трудное для всего народа время... Хотя временами, конечно, ей бывало страшно. Даже очень страшно. И спустя много лет она не могла забыть, как однажды над городом кружили вражеские дирижабли и сбрасывали бомбы.

...Ночь была звездная, ясная, но в небе вместо луны висело громадное серебристое чудовище, которое испускало неприятное гудение. И лучи, рыскавшие по земле и, словно щупальца, выхватывавшие из темноты здания, повозки, людей. Иногда раздавались оглушительные взрывы. В тот миг Мария впервые поняла, что такое смертельный страх... За работу по эвакуации раненых в ту ночь она была награждена орденом Святого Георгия.

Странно, но именно во время войны Мария ощутила, что ее существование, прежде казавшееся ей однообразным, словно раз и навсегда заведенный механизм, наполняется особым смыслом. Кому бы рассказать, думала она порой со скрытой усмешкой, до чего же невесела жизнь особы царской крови... Воспитание Марии было поставлено так, что она оказалась больше подготовлена для монастыря, чем для жизни среди нормальных, обычных людей. И уж во всяком случае, оно подразумевало, что ей никогда и ничего не придется решать самой. Главное – следовать проторенным путем, который обеспечивало ей ее происхождение!

Ее мать, греческая принцесса Александра, умерла, когда Марии было полтора года. Преждевременное рождение сына Дмитрия стоило жизни этой молоденькой женщине. Великий князь Павел Александрович, дядя императора Николая II, остался вдовцом. Брат и сестра обожали своего красивого, веселого, приветливого отца. Однако в один отнюдь не прекрасный день он... исчез. Детей считали еще слишком маленькими, чтобы говорить им правду, и далеко не сразу они узнали, что их отец был отлучен от семьи императором и фактически выслан за то, что полюбил замужнюю даму, мать двоих детей, Ольгу Валерьяновну Пистолькорс, и согласился даже лишиться титула, только бы не расставаться с нею. Что и говорить, она была необыкновенная красавица. Однако мезальянс, морганатический брак и всякие такие вещи встречали самое строгое отношение со стороны молодого императора, который, женившись на Аликс Гессенской, сделался блюстителем нравственности (хотя обе столицы отлично помнили его бурный юношеский роман с обворожительной балериной Матильдой Кшесинской). Ольга Пистолькорс развелась с мужем, а затем Павел Александрович увез ее за границу. Дети же

были препоручены заботам опекунов: дяди и тети – великого князя Сергея Александровича и его жены, великой княгини Елизаветы Федоровны (старшей сестры императрицы). «Теперь я ваш отец, а вы – мои дети!» – сказал их дядюшка. Тетушка промолчала, храня на красивом лице привычно равнодушную маску...

Эти двое были очень странной парой. Гордые и застенчивые одновременно, замкнутые, избегающие откровенных проявлений чувств... Генерал-губернатор Москвы, печально прославленный своим высокомерием и, увы, непотребными пристрастиями, Сергей Александрович оставался любим своей женой и был самым заботливым, самым нежным дядюшкой для детей своего брата – в отличие, между прочим, от тети Эллы. Она была к племянникам совершенно равнодушна и интересовалась лишь собственной персоной: лелеяла свою нежную красоту (сама готовила кремы для лица из сливок и огуречного сока) и украшала себя (придумывала и рисовала дивные фасоны своих нарядов и тщательно подбирала к ним драгоценности, благо Сергей Александрович дарил их жене бесчисленное количество). Лишь потом, с годами, жизнь смогла смягчить равнодушие Елизаветы Федоровны и к племянникам, и к людям вообще, превратила ее в совсем другого человека, полную противоположность той ледяной, чопорной красавице, какой племянница запомнила ее с детства. Началось это преображение в тот ужасный день 18 февраля 1905 года, когда анархист Каляев бросил бомбу в карету великого князя. Покушение должно было состояться двумя днями раньше, когда московский генерал-губернатор ехал в театр, однако террорист узнал, что вместе с ним в карете находятся дети, Мария и Дмитрий, и пожалел их. Террорист этот – звали его Борис Савинков, и имя его еще будет запятнано кровью многих жертв – был отстранен от выполнения задания. Каляев исправил его ошибку. Он не промахнулся, бросая бомбу: великий князь был убит на месте, буквально разорван на куски.

Елизавета Федоровна услышала взрыв и тотчас поняла, что произошло. Маша, у которой в это время был урок, видела из окна, как тетя Элла выбежала из дворца в едва наброшенном манто, без шляпы, вскочила в сани, которые ожидали ее, чтобы отвезти на склад Красного Креста (Россия воевала в те годы с Японией, и великая княгиня занималась организацией лазаретов и госпиталей), и исчезла из виду.

Спустя какое-то время детей отвели в церковь Чудова монастыря, где стояли носилки с тем немногим, что осталось от их любящего и любимого, заботливого и немилосердного, странного дядюшки. Останки его жена своими руками собирала по снегу, но еще спустя несколько дней части разметанного взрывом тела приносили в Кремль случайные прохожие. Сердце отыскали и принесли в тот день, когда тело отпевали. Елизавета Федоровна стояла на коленях подле носилок в запачканном кровью платье, с окровавленными руками. Лицо ее было белым, окаменевшим. И с этого дня в глубине ее глаз навсегда затаились страдание и боль. Она словно помешалась тогда, потому что вдруг поехала в тюрьму, чтобы встретиться с убийцей своего мужа. И сообщить ему, что он уничтожил не только великого князя Сергея Александровича, но и его жену...

Прежняя надменная Элла исчезла, и родилась будущая мученица, подвижница. Теперь Елизавета Федоровна считала своим долгом заботиться о детях, которых так любил ее муж. Она не отдала их отцу, который приезжал из-за границы, из своей вынужденной любовной ссылки, на похороны брата, а сама занялась ими. И она в самом деле полюбила Дмитрия и Марию, их воспитание стало целью ее жизни. Другое дело, что воспитание особ императорской семьи понималось и ею, и всеми другими весьма своеобразно. С одной стороны, держали их достаточно просто и требовали от них такой же простоты в отношениях с другими людьми, особенно с теми, кто был ниже по положению. К примеру, когда близ Ильинского проходила ярмарка, детей непременно вели туда и заставляли покупать подарки для слуг и крестьянских ребятишек. С другой стороны, раздача подарков выглядела так: Мария и Дмитрий бросали лакомства в разные стороны, а детвора дралась из-за них...

Вообще это было совершенно замкнутое воспитание, в юных великих князьях подавлялось всякое проявление самостоятельности, особенно в великих княжнах. Дело доходило до того, что тетя Элла даже не спрашивала у Марии, какую прическу она хочет носить, платья каких цветов предпочитает. С пятнадцати лет она вынуждена была носить высокую прическу, как у австрийской эрцгерцогини времен молодости тетушки Эллы: волосы зачесаны назад, длинная пепельная коса уложена узлом на затылке. Для первого бала племянницы Елизавета Федоровна приготовила ей платье из полупрозрачной вуали на тяжелом розовом чехле. Мария втайне предпочла бы простой легкий белый шелк, который не мешал бы танцевать, но ее мнение меньше всего интересовало тетушку. Она считала, что современным девушкам недостает той застенчивой робости, которая и придает очарование юным особам. Эту застенчивую робость она изо всех сил старалась привить племяннице, приучить ее покорно следовать своему предназначению. А предназначение сие состояло, конечно, прежде всего в браке с отпрыском какого-нибудь царствующего дома. Для семнадцатилетней двоюродной сестры императора наиболее подходящим женихом сочли шведского принца Вильгельма.

О том, что судьба ее, собственно говоря, уже решена, Мария узнала совершенно случайно, прочитав лежащую на столе телеграмму. То, что телеграмма была на имя тети, Марию несколько не смутило. Поскольку им с братом никто и ничего не рассказывал о том, что творилось в доме и что замыслили взрослые, они привыкли сами добывать сведения любым возможным образом, порою не гнушаясь подслушать или заглянуть в чужое письмо. И вот эта телеграмма о том, что шведская кронпринцесса хочет видеть последние фотографии Марии...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.